

разующий сигнал, к которому еще никто никогда не прислушивался и который, возможно, никто и не посылал, но в объективном существовании которого он, однако, не сомневается. В отличие от слуховой галлюцинации, теряющей всякое значение за пределами породившего ее сознания, интересующий профессора звук должен, напротив, составить почву для коммуникации между отдельными людьми и неким законом, регулирующим их жизнь, но недоступным пока пониманию.

Но где искать этот сигнал? Очевидно в смежных зонах, где одна сущность переходит в другую, образуя при этом едва заметный зазор, куда может закатиться нечто ускользающее, неучтенное, не поддающееся классификации, а значит, цементирующее четко разграниченную реальность своей неопределенностью. Впрочем, и сам звук как таковой находится ровно на пересечении двух измерений, являясь, если верить Ротику, той печатью, «которая надежно скрепляет между собой место и время». Поэтому исследования профессора (по первой специальности — археолога) сосредотачиваются на реконструкции утерянных связей между отдельными историческими пластами, возможной только вследствие реанимации соответствующих чувственных ощущений. Отправляется ли Ротик в морскую экспедицию на поиски звуковых аномалий, послуживших когда-то прообразом пения сирен, или на концерт Баха, исполняемого на современном композитору инструменте, — везде ему мерещится эхо того умозрительного и в то же время укорененного в самой природе вещей звука, который соединил бы прошлое с настоящим и будущим на манер врывающегося в собственный хвост уробороса.

Надо признаться, что задача моего героя в определенной мере стала и моей собственной. Работая над романом, я также стремилась уловить и в идеале воспроизвести в тексте этот «невозможный звук», перекрываемый наслоениями языковых, музыкальных и прочих смыслообразующих конструкций, разбивающих наше знание о мире на дискретные единицы. Передо мной стояла цель выйти если не за границы, то, по крайней мере, на границы языка. Вернее, обозначить щели между знаками и дать почувствовать невыносимый шум той пустоты, которая дремлет в них чутким сном Гермафродита.

ДОМ ЗИНГЕРА

Чеслав Милош. Легенды современности: Оккупационные эссе. Письма-эссе Ежи Анджеевского и Чеслава Милоша. Пер. с польск. А. Ройтмана; вступит. слово Я. Блонского; примеч. К. Каспера. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2016. — 456 с.

К читателю эта книга Чеслава Милоша (1911–2004), одного из величайших польских поэтов, лауреата Нобелевской премии (1980), шла долго — в самой Польше она была издана лишь в 1996 году. Эссе создавались в 1942–1943 годах в оккупированной Варшаве, на руинах Европы, удручающих Ч. Милоша более в смысле духовном, чем физическом. Когда «вся „хорошая“ Европа, Европа гуманистических традиций, история которой полна жестокости и преступлений, все же никогда не восхваляемых открыто, — эта Европа оказалась смешной, бессильной, немощной». Формально восемь эссе посвящены литературным и философским текстам Д. Дефо, Бальзака, Стендаля, А. Жида, У. Джеймса, Л. Толстого, польских писателей

М. Здзеховского и С. Виткевича. Но только формально. Ч. Милош задумывал свою книгу как единое целое, повторяя в ее разделах одни и те же вопросы, всякий раз преломленные через иную призму. Обращаясь к литературе (а многие книги он подобрал в разбомбленном немцами помещении Французского института), он пытался ответить себе на вопрос, как и когда человечество забрело в тупик, когда появились трещины в традиционном христианском образе мира, когда и почему в саду мысли взросли ядовитые плоды, приведшие к катастрофе войны. Главная тема оккупационных эссе: почему европейский дух потерпел столь ужасное фиаско? Позднее Милош скажет: «Явление гитлеризма было ужасным не только потому, что миллионы немцев объединила их вера, совершенно абсурдная для людей вне зачатого круга, в котором немцы эту веру, взаимно влияя друг на друга, вырабатывали. То есть это был образцовый пример мифологизации реальности, и возникло подозрение, что современная история европейского духа избилует такими иллюзорными представлениями о себе самой, совместно поддерживаемыми, возникающими одно из другого путем несколько маскарадной логики». В своих эссе он и развенчивает устойчивые культурные мифы, ответственность за которые лежит и на деятелях культуры, писателях. В предисловии к книге он конкретизирует поставленные перед собой задачи: «Основная их (эссе) тема, уснащенная различными отступлениями, — очищение поля от убеждений о врожденных импульсах человека, или же об естественных условиях его жизни — не без надежды, что, разрушая легенды, которые он сам о себе творит, человек сумеет найти более надежную точку опоры. Глава о Даниеле Дефо направлена против веры во врожденную доброту вне цивилизации. Глава о Бальзаке описывает злое очарование цивилизации, понятой как автоматический процесс, подчиняющийся законам естественной эволюции. Главы о Стендале и Андре Жиде расправляются с позицией личности, которая отождествила законы природы с законами человеческого общества и, двигаясь дальше, дошла до культа силы. Глава об Уильяме Джеймсе критикует согласие на вымыслы и легенды как на нормальное состояние, за пределы которого мы не можем выйти. Фрагмент из „Войны и мира“ Толстого использован как пример разочарования в цивилизации и связанных с этим опасностей. Здзеховский выступает как фигура образцовая для религии, основанной на врожденной потребности сердца. Более пространное эссе о Станиславе Игнации Виткевиче содержит освещение метафизических теорий искусства». Неожиданных суждений много. Если фрагмент из «Войны и мира» — Пьер Безухов в занятой Наполеоном и сожженной Москве как «опыт войны», исследование того, как большая война меняет человека, — вполне ожидаем, то в «Легенде острова» Милош подвергает сомнению протестантские, мещанские ценности, которыми руководствуется Робинзон Крузо, в «Легенде города-монстра» — позицию Бальзака, приравнявшего человеческое сообщество к муравейнику. Эссе являются своего рода интеллектуальным дневником, где автор ищет ключ к метаморфозам европейской литературы, сознания, ищет скрытый порядок интеллектуальных явлений. И в то же время это дневник взросления, отражающий морально-интеллектуальные сомнения тридцатилетнего писателя, пытавшегося найти точки опоры для униженной двумя мировыми войнами европейской культуры. В книгу включена и полемическая переписка Ч. Милоша и писателя Ежи Анджеевского (автора романа «Пепел и алмаз», по которому А. Вайда снял фильм, ставший культовым). Оба находились в оккупированной Варшаве, в разных ее концах, но для общения избрали форму писем. И. Кравцова, главный редактор издательства, так пишет о диалоге двух молодых интеллектуалов: «Анджеевский отстаивал веру, веру в Бога, веру в высокую идею. А Милош выступал рационалистом и скептиком и пытался развить, развивал такую мысль, что высокая идея,

как правило, приводит лишь к маршу в колоннах. Потому что она используется политиками, велеречивыми шарлатанами, как он говорил, чтобы обмануть общество, для того, чтобы действительно выстроить всех, заставить в едином порыве отстаивать низменные интересы». Вопросы, которые волновали одного из важнейших мыслителей XX века, размышлявшего о пагубном влиянии интеллектуальных мифов и «великих идей» на политическую мысль, проводниками которых являются писатели, журналисты, учителя (почти по Тютчеву — «как наше слово отзовется», к каким трагическим последствиям оно приводит), не утратили своего значения и сегодня.

**Сергей Бирюков. Амплитуда авангарда. М.: Совпадение, 2014. — 400 с.
(Берсенеvские коллекции. Еще не классики).**

Terra incognita, русский авангард. В первой трети XX века молодые люди искали новых путей в искусстве и, используя опыт предшественников, экспериментировали со словом, выдвигали новые теории. Сама жизнь подталкивала к поэтическому поиску: новые техника и технологии рождали другие, неведомые ранее ритмы, звуки, картины. В 30-е годы, после гибели Маяковского авангард словно угас, и начиная с 1930-х годов и вплоть до начала 1960-х появление новых авангардистов казалось невозможным. В 1960-е годы публичное проявление авангардистских новаций становится допустимым, но очень ограниченно и лишь на короткое время. И только со второй половины 1980-х годов почти все дожившие до этого времени авторы смогли выйти за пределы узкого круга. Многие в истории русского авангарда остаются неисследованным, скрытым, позабытым. Многие книги не переиздавались, что-то и по сей день можно найти только в архивах. Именно эту загадочную землю — потаенный мир русского авангарда, в первую очередь мир поэтический — давно и успешно обживает Сергей Бирюков. Поэт и прямой продолжатель русских футуристов, доктор культурологии, исследователь авангарда, вот уже четверть века возглавляющий созданную им Академию Зауми, считает, что однозначное определение авангарда и построения непротиворечивой теории невозможны, и это в первую очередь «связано с текучестью форм, которые явлены авангардными авторами». И расшифровывает смысл этой текучести: «подвижность, постоянное изменение стиля, форм, и, в конечном счете, художественных решений. Авангардисты как бы по самой природе своей принуждены постоянно что-то изобретать, даже актуализирование форм прошлого для них тоже изобретение, поскольку это понимание на новом этапе». Но исследователь уверен, что «важно представить весь массив авангардного творчества, возможности авангардного поиска, так сказать амплитуду авангарда, с захватом ОТ и ДО и с наведением фокуса на целый ряд стилевых особенностей, которые складываются в своего рода „стиль стилей“». В книге собраны работы разных лет, демонстрирующие как авторов «в обостренно индивидуальном выражении», так и отдельные столь же выразительные опыты. Картина получилась не мозаичная, а единая, цельная. Первая часть, «Поле авангарда», посвящена авангарду историческому, авангарду 10–20-х годов XX века, его обретениям и итогам, поэтам известным и неизвестным. Создатель некоего «сверхзвукового» мира В. Хлебников, как ключевое явление в русской культуре, центральная фигура века, ибо именно он «осуществил третью реформу русского языка (первые две — соответственно Ломоносов и Пушкин)». Е. Гуро, в чьей прозрачной и даже «слишком ясной» поэзии отразилась «нежная, лучезарная суть» автора. Б. Лившиц, в ком «рано обозначилась непреодолимая тяга к „словообороту“, то есть к той экспрессии слова, которая, по его мнению, да-

вала возможность пробиться к истине». Он — одна из жертв 1938 года, его творчество открылось в полном объеме лишь через тридцать лет после гибели. Грандиозарь А. Крученых, введший в поэзию заумь, абстрактный, беспредметный язык, очищенный от «житейской грязи», создававший уникальные рукописные самодельные книги. Он умер в 1968 году в возрасте 82 лет, поэт и художник, он успел оказать непосредственное влияние на поэтов новых поколений. Практически неизвестные авторы: Н. Рубин, пытавшийся передать рваный ритм движений киноплёнки; И. Игнатъев, для которого смерть стала основной темой стихотворений; писатель-алхимик С. Кржижановский, постоянно ставивший опыты, используя массу самых заурядных и самых необычных веществ. Искания и находки основоположников, зачинателей авангарда. Вторая часть книги, «По(с)ле авангарда», посвящена авангарду послевоенному и современному, по определению автора, внеисторическому. Среди представителей этого направления хорошо — и заслуженно — известен, пожалуй, лишь двуязычный поэт (русско-чувашский) Геннадий Айги, имена и творчество других известны много меньше, а порой и вовсе неизвестны. Одинокий авангардист Г. Спешнев, вынужденный изоляционист, писавший «в стол», теоретик и практик новейшего способа письма. Преобразованием футуристической поэтики занимался В. Казаков; опыты неописательского письма предложил Л. Аронзон; примеры органичного и бережного вслушивания даны в «словаре» А. Альчук, своя словомузыка у профессионального музыканта Е. Мнацакановой, свой «Словариум» у Е. Кацюбы, а пре — вращения у Н. Азаровой. Статья «Рецепции творчества Велимира Хлебникова в современной русской поэзии» и интервью С. Бирюкова об авангарде после авангарда, о бытовании авангарда в России и за рубежом книгу завершают. С. Бирюков указывает на характерную особенность творчества В. Казакова: восстанавливать и соединять, то же самое отличает и его книгу. Он соединяет прошлое и настоящее, демонстрирует, как новейшие идеи и их воплощения существуют во взаимодействии с предшествующим материалом, сопоставляет творчество поэтов разных времен. Проводит подробные фонологические, семантические, лексические, текстологические интонационные анализы, обращается к конкретным текстам, определяет сумму поэтических приемов, ищет подтексты и смыслы. Выступает как дешифровщик. И увлекает читателя в непростой и сказочно красивый мир, где заумь — высокое искусство. «Поэты не просто создают стихи, они создают себя одновременно со стихами, они творят собственные биографии, способствуют созданию легенд о себе», — пишет С. Бирюков. И на страницах книги предстают яркие фигуры с остро выраженным индивидуальным видением мира, со сложными биографиями, с особыми поведенческими нормами. Картина получалась цельная: и в общем процессе — пересечения судеб и творческих исканий — становятся явственными масштаб личности и творчества каждого.

Сергей Емельянов. Русская идея и звуки вечности. Социально-эстетические очерки. СПб.: Алетейя, 2016. — 236 с.

Согласно разбросанным по книге определениям, русская идея предстает как рай на земле, симфония, справедливость. Небо на земле, где Вера, Красота и Добро должны победить в любом случае, мир гармоничный и эстетически совершенный. В первый раз этот термин был употреблен в 1862 году в «Дневнике писателя» Ф. Достоевским. Но Сергей Емельянов, доктор философских наук, убежден, что «возраст русской идеи есть почтенные лета самой России», ибо «мечта о совершенстве вечна и неутолимо-бесконечна». «Аутентичная русская идея, во

имя которой иногда можно-надо жертвовать собой, не разделяет, а *объединяет* такие конкретные исторические воплощения, как древняя княжеская Русь, Московское царство, империя Романовых, Советский Союз и РФ. Она связывает православие-самодержавие — с марксизмом-ленинизмом, смуту — с перестройкой, Распутина — с Путиным». И даже во времена оные, когда торжествовал новый тип религии: атеистический по форме, но религиозный по сути коммунизм, а роль трудов К. Маркса и Ф. Энгельса была сопоставима с ролью Священного Писания в жизни христианина, — неизбывными оставались идеи совершенствования и самосовершенствования. И «история полной гибели всерьез цельюноменклатурного Союза Советских Социалистических Республик — это поражение на полях *идеальных* сражений. Остальные причины — перенапряг в гонке вооружений, неудачная конъюнктура мировых цен на черное золото, интриги на политическом Олимпе и метаморфозы партийной номенклатуры — всего лишь следствия закономерностей более высокого порядка... Русские всегда терпят поражение, когда с ними нет Духа Истины». И когда (несколько перифразируя автора) Красная София социализма со сбившейся мечтой и «капустниками» выродилась в бесцветное фарисейство, а вследствие элитаризации отличников университета марксизма-ленинизма и энтузиастов планирования общественные идеалы были вытеснены индивидуальными целями, на смену «вечной душе» пришли «вечные деньги». С. Емельянов рассматривает взаимодействие религиозного и эстетического идеалов в русском искусстве и культуре, их преемственность и трансформации на изломах русской истории, влияние новаций на действительность и на подготовку не всегда светлого будущего. Временной диапазон — от «младенчески-теплой и чистой, как первый снег», Древней Руси, где языческое мировоззрение сплавивалось с природой, землей и родом, от Руси, которая «при выборе веры классической логике, мере и ясности предпочла духовный порыв и веру в чудо», от бело-золотой Московской Руси, «что под символами креста искала золото земной правды», до наших дней. Точные, выразительные характеристики исторических «изломов» и связанных с ними эстетических сдвигов. Киевская Русь, где столкнулись языческие и византийские ценности; XVII век от Р. Х., когда традиционно-культурные пласты с хороводами и театральными Петрушками противоречиво совместились с западноевропейскими, апокалипсические реформы Никона; шокотерапия харизматического Петра I, в результате которой возникла социальная дистанция между «почвой» и «цивилизацией» и заговорили «почва» — на русском, а «цивилизация» — предпочтительно на французском. Родилась в петровском изломе «идейно возбужденная российская интеллигенция», безвозмездно отдающая себя идейно-эстетическому пафосу социального переустройства и обладающая поразительно стойким интеллектуально-русским признаком — радикализмом. И так — путь по всем эпохам, вплоть до клинического разлома «русской парадигмы» в наши дни. Книга насыщена именами, ведь носителями идей являются люди. Священнослужители, писатели, поэты, философы, художники, скульпторы, деятели театра и кино. Имена знаковые: Л. Толстой. Достоевский, Шолохов, Гегель, К. Маркс... В поле зрения автора искусство и образование, музыка и живопись, философия и культура разных эпох. Он констатирует, что сегодня на смену художнику-творцу пришел профессионал с задушевной полуслезой. «Он целенаправленно штампует арт-продукты для массового сбыта... Попсовая культура и финансовая кислота руинируют русскую идею и разъедают денежно-неадекватные души. Слезинки младенцев продаются стаканами, вырубаются последние вишневые сады и сдаются в ломбард отечественные гробы российской истории». История, по мысли автора, есть непрерывная борьба между идеями и интересами. И первые не всегда выигрывают. Хорошо оплаченное зло обычно

побеждает добро. Не так все пессимистично, свидетельством чему духовные взлеты в музыке В. Гаврилина, картинах И. Глазунова, фильмах Л. Бобровой, балете Б. Эйфмана «Красная Жизель», публицистике отечественного Гулливера А. Проханова. Многовековая тенденция подает надежду на духовное оздоровление богомольной России, считает С. Емельянов, а найти себя Россия может на путях евразийской интеграции. С. Емельянов пишет плотно, густо, тезисами разной степени развернутости, подчас за фактурой теряются логические цепочки, есть и спорные посылы. И все-таки картина, хоть и мозаичная, истории бытования религиозных и эстетических идеалов, извилистого пути немеркнувшей русской идеи состоялась.

Герфрид Мюнклер. Империи. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США. Пер. с нем. Л. В. Ланника под ред. Т. А. Граблевской; коммент. и вступ. ст. Л. В. Ланника. М.: Кучково поле, 2015. — 400 с. (Геополитический ракурс).

Империи были, есть, несмотря на объявленный диагноз о конце империй в XX веке, и, судя по всему, будут, доказательством чему неожиданное превращение США в новую империю. Герфрид Мюнклер, профессор политологии Берлинского университета имени Гумбольдта, исследует законы, по которым развиваются империи, исследует, какими способами они возникают и как, по каким причинам распадаются. Он рассматривает многочисленные теории империй и империализма; устанавливает, что кроется под понятием империи, в чем разница между империей и гегемонией, между империей и государством, между империями морскими и континентальными, между империями и региональными или кратковременными имперскими образованиями, торговыми и военными. Задается вопросом: что сила, а что слабость — национальная сплоченность или же полиэтничное разнообразие? Детально анализирует отношения между имперским центром и периферией; имперские порядки контроля пространства и потоков (людей, товаров, капитала); раскрывает секреты устойчивости долговечных империй. Проводит исторические параллели: древние греки, Римская империя, империи Китайская, Испанская, Османская, Британская, Российская, Советская — и обнаруживает общие принципы логики мирового господства в истории. Для всех времен характерно, что «страшащаяся хаоса империя видит себя в роли защитника порядка, противостоящего беспорядку, носителя добра, борющегося со злом. В этом состоит имперская миссия, которая позволяет империи легитимизировать свои действия, в этом — основополагающее оправдание построения мировой империи: идет ли речь о распространении цивилизации или же о насаждении в мире общественного порядка, защищающего права человека либо содействующего развитию демократии. В то время как государства останавливаются у границ других государств, предоставляя соседям самостоятельно разбираться со своими внутренними проблемами, империи, выполняя свою миссию, вмешиваются в чужие дела». Наследницей империй прошлого он видит США, возложившие на себя давнюю традицию обещания гарантии мира и процветания на огромных пространствах. Отказавшись от стран-сателлитов в классическом смысле этого слова, новая американская империя осуществляет глобальное воздействие через институты, вроде НАТО, ООН, МВФ, мирового банка. Г. Мюнклер стремится предвидеть продолжительность и стабильность существования американской империи, а также разобраться, как должна себя вести Европа, чтобы устоять как самостоятельная политическая сила. Способны ли США избежать перенапряжения сил, приводящего, наряду с утратой веры в свою историческую миссию, к краху очередной

империи? Г. Мюнклер приходит и к парадоксальным выводам. Так он считает, что для выстраивания империи требуется длительное нахождение у власти стратегически мыслящего правителя, чему противоречит демократия в США, ее избирательная система, ограничивающая президентский срок и время нахождения у власти ряда должностных лиц. Именно поэтому США во все возрастающем масштабе обращаются к военной силе как более быстрому способу решения проблем, проводят — в том числе для оправдания своей политики в глазах собственных сограждан — инсценировки возможных угроз (пресловутая пробырка Колина). Причиной крушения империй, полагает Г. Мюнклер, могут быть не только сильные конкуренты, но и более слабые, от которых серьезных угроз не ждали. В качестве примера приводит партизанские войны (Алжир, Вьетнам, Афганистан), способные измотать империю и вынудить их к отступлению. Новые факторы, как, например, контроль из космоса, новые виды вооружений лишили классические формы партизанской войны значительной части прежней действенности, и сегодня ей на смену пришел терроризм. Но если партизаны надеялись на физические последствия своих действий и придерживались обороны, то террористы рассчитывают на психические последствия своих действий и в любое время могут перейти к атаке. Г. Мюнклер считает, что современные террористы следуют той же стратегии, что и кочевники: врываются в пространство имперского мира, проносясь по нему, предают все огню и мечу, сея ужас в постгероических обществах, и вновь исчезают еще до того, как против них могли бы выступить войска империи. Книга Г. Мюнклера была издана в 2005 году, но его выводы, его анализы взлета, функционирования, крушений империй остаются актуальными. А его рассуждения о будущих взаимоотношениях между США, Евросоюзом и его периферией представляются едва ли не пророческими. В США он видит отнюдь не благосклонного гегемона, который не только охраняет своих подчиненных от угроз извне, но и отказывается от того, чтобы использовать свое преимущество для собственной выгоды. Зловещее предзнаменование отношений европейцев и США Мюнклер находит в древней истории: пока противостояние с великой Персидской империей было актуальным, Афины обращались с союзниками как со слабыми, но все же равными с ними в правах. Однако когда угроза с Востока исчезла, союзники из равных превратились в зависимых подданных, которые должны были следовать желаниям и образцам Афин. Актуально звучит сегодня и такое утверждение: «неизменное тяготение к первенству сегодня проявляется не только в военных достижениях или же экономических свершениях, но и в области технологического развития, в сфере науки, и не в последнюю очередь в спорте и развлекательной индустрии. Нобелевские премии, рейтинги университетов, олимпийский медальный зачет и присуждения „Оскаров“ раз за разом становятся тестом, оценивающим имперскую мягкую силу». Все неточности, некорректные суждения автора прокомментированы в постраничных сносках.

Лев Прозоров. Мифы о Древней Руси. Историческое расследование.

М.: Эксмо, Яуза, 2016. – 352 с. (Тайны Древней Руси).

Трудно не согласиться с автором этой книги: мифы академические, обывательские, возникшие и закрепившиеся благодаря научным изысканиям, традиционным представлениям, историческим романам, кинокартинам (в том числе мультфильмам), нередко дают неверное представление о прошлом, а неверное представление в свою очередь влияет — с последствиями предсказуемыми и непредсказуемыми — на самооценку. И Лев Прозоров мифы развенчивает. О пресловутом рабстве славян,

миролюбивых домоседах, преимущественно привязанных к жизни земледельческой, оседлой и потому тихих, спокойных, уживчивых, больше всего на свете любивших быт сельский, семейственный, домашний. Находит союзников, выступавших против такого взгляда. Так, в конце XIX — начале XX века против «карамельного» образа лубочных «добродушных и кротких» славян решительно выступил Д. Иловайский, именовавший этот образ не иначе как «карикатурой». О воинственности славян, их смелости, напористости и даже жестокости, об умении воевать и побеждать свидетельствуют многочисленные европейские, византийские, арабские, китайские источники. «Лишенный „воинственности“ народ прямо-таки обречен навеки быть подчиненным народам „историческим“ — прежде всего, конечно, поднявшим на щит своих буйных кровожадных прашуров германцам», — пишет Л. Прозоров и с помощью цитат доказывает право славян на «историчность». Автор задается вопросом: правомерно ли считать славян рабами на том основании, что в английском языке слова *slav* (славянин) и *slave* (раб) являются однокоренными. И в приложении к книге помещает лингвистическое изыскание Е. Нефедова, опровергающее тезис о том, что в английском языке (и в других западноевропейских языках) слова славяне и раб — синонимы. Да и сам Прозоров приводит немало любопытных фактов, например, тот, что не славяне были основным товаром на невольничьих рынках Европы, но сами являлись поставщиками рабов, в том числе из числа благородных тевтонов. Л. Прозоров развеивает миф о «непобедимых», «наводивших ужас на всю Европу» викингах, утверждая, что на самом деле это они платили дань балтийским славянам и на протяжении столетий Дания и Швеция являлись «жертвами набегов» юго-восточных соседей. И только во второй половине XII — начале XIII века шведские и датские рыцари — уже под знаменами с римским крестом — сумели переломить эту традицию. Да и зачем норманнам-мореплавателям было лезть в Восточную Европу, что их там ждало: узкие реки с порогами, перекатами и сильным встречным течением, болота и ельники, временами взрывающиеся стаями стрел? Чем они могли здесь разжиться? Автор расследования опровергает миф о вездесущей мере и прочих «финских аборигенах» и, обращаясь к топонимике, ономастике, языческому фольклору и мифологии, доказывает, что русские — отнюдь не смесь славян с «финнами» или «финно-уграми», с преобладанием последних. В его книге Хазария — это не щит, прикрывающий Русь от набегов степняков, а, наоборот, коварная подстрекательница подчиненных ей кочевых племен к набегам на Русь. По авторской версии, неправомочен и миф о матери-Византии, всегда (даже когда на Руси приняли христианство) считавшей славян и русов кипящими злобой варварами, и это несмотря на то, что очень многими победами над сарацинами, над сицилийскими норманнами Византия X—XI веков обязана сражавшимися под ее знаменами славянским «варангам» и крещеным «росам». Все прекрасно: многочисленные цитаты, ссылки на источники (правда, в основном интернетовские, «родину» истока мысли или факта не проясняющие). Но растет настороженность по ходу чтения книги, и причиной тому эпатажная, граничащая с грубостью полемика с оппонентами покойными и ныне живущими: Л. Гумилевым, Б. Рыбаковым, В. Яниным, Л. Клейном. Эта полемика часто преобладает над самим текстом, затемняя авторскую мысль и раздражая бездоказательностью нападок. И невольно создается впечатление, что так Моська лает на слона (сравнение оправдано откровенным хамством самого автора). В финале вырисовывается главная «фишка» этой книги — «послание автора к читателю». Прозрачна композиция книги, прозрачен замысел. Сначала «бальзам на душу»: великие наши предки славяне — гроза Европы, морей и континентов, славянский основатель киргизской государственности, славяне у истоков Швей-

царии, среди первопоселенцев Исландии. (Наше всё, куда там великим украм!) И — как апофеоз — «правда» о Куликовом поле, «евразийская ложь про инока Пересвета и примазавшуюся к русскому подвигу церковь». И вот уже Ослябя и Пересвет не православные иноки, а отпрыски брянского боярского рода с матушки-Литвы (на тот момент Брянск являлся частью Великого княжества Литовского) и вообще язычники, а Сергей Радонежский и не благословлял на битву московского князя Дмитрия, отлученного в то время от церкви. Для Л. Прозорова, по вероисповеданию «родновера» (славянского неоязычника, представителя «великих русов-язычников»), такие умозаключения закономерны. Его фривольные трактовки событий древней истории Руси в пользу язычества, дилетантское обращение с источниками подверглись основательной критике и со стороны ученого сообщества, и религиозных деятелей, и даже блогеров-«единоверцев». И быть может, Л. Прозорову, апологету родноверия и певцу славянского фэнтези, и стоит оставаться на полянке «фэнтези», а не плодить под видом «исторического расследования» новые мифы о прошлом?

Роман Почекаев. Узурпаторы и самозванцы «степных империй».

История тюрко-монгольских государств в переворотах, мятежах и иностранных завоеваниях. СПб.: Евразия, 2016. – 378 с.

Роман Почекаев рассматривает историю борьбы за власть в тюрко-монгольских государствах, начиная с империи Чингис-хана и заканчивая государствами их преемников, зачастую уже не имевших отношения к Чингизидам. Период — от создания Монгольской империи в XIII веке до середины XX века включительно. Бесконечные государственные перевороты, гражданские и межгосударственные войны, междоусобицы, мятежи, политические убийства, захваты тронов, иностранные нашествия. Имена знакомые и незнакомые. Среди знакомых (это же часть нашей истории) — Берке, брат Бату, видный военачальник Ногай, «суперзлодей» в истории Золотой Орды Мамай, правители самого обширного и самого отдаленного из улусов Монгольской империи, Золотой Орды, официально Улуса Джучи, названного так по имени старшего из сыновей Чингис-хана. Р. Почекаев не пишет политическую историю государств, но детально рассматривает важные аспекты этой истории. Он прослеживает, как осуществлялась легитимация власти, как многочисленные претенденты, удачливые или нет, обосновывали законность своих прав на верховную власть и подвергли сомнению легитимность правления своего противника, демонстрируя во всех случаях хорошее знание законов и традиций кочевых государств. И хотя четкого порядка престолонаследия у монголов не было, существовало четкое правило: чтобы добиться ханского титула и верховной власти в Монгольской империи, требовалось принадлежать к потомкам Чингис-хана по прямой мужской линии и пройти процедуру избрания на курултае. Чингизиды тщательно хранили свои генеалогии от поколения к поколению, помнили корни своих предков и сложные семейные связи между разными ветвями «Золотого рода». Им не нужны были документы, чтобы разобраться, кто настоящий потомок Чингис-хана, а кто самозванец. Это московские цари, присоединяя Казанское, Астраханское, Сибирское ханства, не обременяли себя заботами о легитимации собственной власти в глазах своих новых тюрко-монгольских подданных, обосновывая установление сюзеренитета над восточными государствами и народами исключительно одним фактором — Божьей волей. Новые подданные «белого царя» со временем сами позаботились о его легитимации. И чтобы новый монарх с фор-

мальной «чингизидской» точки зрения не выглядел узурпатором, зачислили Ивана Грозного в Чингизиды. Значимость родовой принадлежности правителя сохранилась и в XX веке. Особое внимание Р. Почекаев уделяет такому феномену борьбы за верховную власть, как самозванство, и среди героев книги множество самозванцев и узурпаторов, истинных, и мнимых, и даже не существовавших в истории, но запечатленных в средневековых источниках. Еще две важные темы книги. Первая: как некогда могущественные тюрко-монгольские государства оказывались в вассальной зависимости или даже под прямым управлением своих ранее находившихся в зависимости от них самих соседей: османских султанов, персидских шахов, российских и китайских императоров; что получалось, когда «новые» факторы легитимации власти вступали в противоречие со «старыми». Вторая: как сочетались национально-освободительные движения и борьба их предводителей за личную власть, власть ханскую. Выразительный пример, коими небогата писанная в советские времена история России и СССР: антироссийские восстания казахов в 1869—1870 и 1916, антисоветские восстания 1929—1930 годов как попытки возрождения традиционных институтов власти, где повстанцы группировались по родам и племенам. Не безоблачно складывались отношения Российской империи и с Сибирским, Башкирским, Киргизским, среднеазиатскими ханствами. Но, по мнению автора, «политические игроки в Центральной Азии, имевшие причины выступать против российского продвижения в регионе отнюдь не составляли сплоченной коалиции: они враждовали друг с другом куда в большей степени, нежели с Россией, что, вероятно, во многом и явилось причиной успеха российского завоевания среднеазиатских ханств во второй половине XIX века». Свою книгу Р. Почекаев строит по «географическому принципу», рассматривая борьбу за власть по регионам: Монгольская империя и империя Юань в Китае, Чагатайский улус в Центральной Азии и государства, возникшие в результате его распада, государство ильханов в Иране, Золотая Орда и ее преемники, Монголия, как Внешняя, так и Внутренняя. Если посмотреть на современную политическую карту, то это и Казахстан, и Киргизия, и Узбекистан. И такая часть Чагатайского улуса, как Восточный Туркестан (он же Кашгария, Синьцзян), входящий ныне в КНР, где с незапамятных времен идет борьба принявших ислам обитателей против владычества «неверных» китайцев. То есть достаточно «проблемный» регион, но и регион, унаследовавший от Великой Монгольской империи высокий уровень политической и правовой культуры. У Р. Почекаева особый, не евроцентричный взгляд на историю евразийских государств, преемников «степных империй». И он считает, что «долговечность политико-правовых традиций этих государств и народов, их изучение дает возможность лучше понять закономерность современных политических процессов в государствах Евразии».

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

*Редакция благодарит за предоставленные книги
Санкт-Петербургский Дом книги (Дом Зингера)
(Санкт-Петербург, Невский пр., 28, т. 448-23-55, www.spbdk.ru)*